

Определение мышления

В.В. Давыдов

В статье изложены представления В.В. Давыдова о понятиях деятельности, идеального и сознания, их глубокой взаимосвязи и необходимости их рассмотрения в непрерывном единстве. На основе проведенного анализа проблемы индивидуального сознания оно характеризуется с общепсихологической точки зрения, как воспроизведение человеком идеального образа своей целеполагающей деятельности и идеального представительства в ней позиции других людей. Человеческое мышление понимается как особый способ деятельности, как поиск необходимых условий действий путем фактического или представляемого изменения исходных ситуаций, как правило, путем моделирования. Подчеркивается, что при определении умственного действия необходимо учитывать, что оно обнаруживается в преодолении предметного способа решения задачи, т. е. является условным выполнением предметных операций, при котором учитываются результаты действий других людей, фиксированные словом. Понятие необходимо рассматривать как специфическую форму, средство действия субъекта по обнаружению еще скрытых качеств объекта, что определяет особую структуру мыслительного акта.

Ключевые слова: мышление, деятельность, сознание, идеальное, индивидуальное сознание, умственное действие, модель, структура мыслительного акта.

Предисловие к публикации

Этот текст был любезно предоставлен Люцией Васильевной Берцфай и является второй главой — «Определение мышления» — из недавно вышедшей книги В.В. Давыдова «Деятельностная теория мышления» (Давыдов В.В. Деятельностная теория мышления. М.: Научный мир, 2005. С. 67–95. Составители и научные редакторы: доктор психологических наук, чл.-корр. Российской академии образования В.С. Лазарев, кандидат психологических наук Л.В. Берцфай).

Нумерация сносок и литературных источников изменена нами.

В августе 2005 г. выдающемуся российскому психологу В.В. Давыдову (1930–1998) исполнилось бы 75 лет. В.В. Давыдов является создателем теории и практики развивающего образования в России. Ученый разработал теорию деятельности человека, описал ее содержание и строение, внутренние связи с идеальным планом сознания. В.В. Давыдов создал логико-психологическую теорию о двух основных типах обобщения — эмпирическом и теоретическом, разработал теорию личности и учебной деятельности.

Книгу можно заказать в издательстве «Научный мир» по телефону: 291-28-47, а также по электронной почте: naumir@denran.ru или же в интернет-магазине: Internet <http://bookish.iring.ru>. Адрес: 119992, Москва, ул. Знаменка, д. 11/11, РОБОНРИ «Научный мир» (Л.В. Берцфай).

Редакция журнала

Деятельность, психика и сознание*

Понятие деятельности не может быть рассмотрено в отрыве от понятия сознания, которое возникает в деятельности, а затем опосредствует ее. Поэтому изучение деятельности должно протекать в тесной связи с исследованием процессов возникновения и функционирования человеческого сознания. Это требует такого понимания сознания, которое действительно отвечало бы требованиям деятельностного подхода к нему.

Прежде чем рассмотреть особенности сознания человека, необходимо прежде всего указать на наиболее существенные свойства психики, присущие животным и человеку. Сознание — это высшая форма психики, которая имеется у человека. Что же такое психика? При попытке ответить на этот вопрос (когда-то он был объявлен неразрешимой «мировой загадкой») поучительно обратиться к анализу первооснов психологии, зародившейся, как известно, в недрах философии.

* Содержание этого параграфа представляет собой часть одноименного параграфа из книги В.В. Давыдова «Проблемы развивающего обучения» [10]. Но воспроизводимому здесь тексту в указанной книге предшествует изложение понятия деятельности в трактовке А.Н. Леонтьева. Однако В.В. Давыдов в последние годы разрабатывал новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности, который изложил в докладе на методологическом семинаре Московского психологического общества (стенограмму доклада см.: В.В. Давыдов. Последние выступления. Рига, 1998). Он отмечал, что в понимании деятельности ему наиболее близка позиция В.С. Библера, изложенная в его работе «Самостояние человека: предметная деятельность в концепции Маркса и самодетерминации индивида» (Жемерово, 1993). Поскольку понимание деятельности в трактовке А.Н. Леонтьева изложено в первой главе, текст параграфа был сокращен.

В одном высказывании, касающемся природы психики (души), содержится существенный для ответа на данный вопрос момент: «Если ты не знаешь, что ищешь, то что же ты ищешь, а если ты знаешь, что ищешь, то зачем же ты ищешь?» Для существа, обладающего психикой, характерен именно поиск, заключающий в себе внутреннее противоречие. Психология как наука развивалась по мере того, как продвигалась в разработке содержания понятий, позволяющих так или иначе объяснить способ разрешения противоречия, возникающего в самом процессе поиска. Искать то, чего еще нет, но что все-таки возможно и что дано субъекту лишь как цель, но пока еще не ставшее явью, — это основная характеристика жизнедеятельности всякого ощущающего и мыслящего существа — субъекта. Парадоксальность поиска состоит в том, что он сочетает в себе возможное и действительное. Аристотель, которого считают родоначальником науки психологии, писал: «[Душа] есть известное осуществление и осмысление того, что обладает возможностью быть [осуществленным]» [2, с. 42]. Предвидение — это именно такое усмотрение возможности. Реальные действия субъекта, обладающего психикой, осуществляют то, что может быть создано в самой действительности. Субъект строит свои действия в зависимости от того, что может произойти лишь в будущем — в будущем, которого еще нет! Здесь цель как образ будущего, образ должного детерминирует настоящее, определяет собой реальное действие и состояние субъекта.

Идею о том, что образ будущего имеет существенное значение в построении человеческого действия, можно встретить в трудах многих мыслителей прошлого. Так, Августин писал: «Ожидание относится к вещам будущим, память — к прошедшим. С другой стороны, напряжение действия относится к настоящему времени: через него будущее переходит в прошедшее. Следовательно, в действии должно быть нечто такое, что относится к тому, чего еще нет» [1, с. 302–303].

Глубочайшее своеобразие жизнедеятельности, продиктованное целями, образом возможного будущего, стало камнем преткновения для многих наук. И пока не было выработано понятие о детерминации деятельности ее целью, в изучении психики господствовал механистический материализм, по сути дела не могущий выявить и научно описать этот своеобразный феномен жизни.

Декарт создал теорию машинной детерминации поведения животных, согласно которой всё в нем может быть предвычислено и предугадано. Однако он сразу же столкнулся с парадоксом при анализе поведения человека. Оказалось, что столь тонкая причинная предопределенность поведения, разработанная им, не позволяет объяснить универсальный характер действий человека. В любой ситуации человек может поступить и так, и по-другому, его действия не поддаются предпрограммированию, они невыводимы только из событий прошлого. Получалось, что цепочка «универсальность — целеполагание — душа» не может быть объяснена на основе изложенных Декартом причинно-следственных отношений.

Опираясь на опыт Декарта, Спиноза выдвинул глубоко материалистическую идею о детерминированности психики (мышления) человека, которую не смогли затем должным образом оценить многие философы. Суть ее состоит в следующем. Мышление (или психика, ощущение вообще) — это свойство мыслящего (ощущающего) тела. Значит, задача состоит в том, чтобы тщательно исследовать способ действия такого тела, в отличие от немыслящего (от неодушевленного). Кардинальное отличие заключено в способности мыслящего тела активно строить траекторию своего движения в пространстве сообразно с формой другого тела, причем любого другого тела (отсюда универсальность движения мыслящего тела).

Суть этой идеи Спинозы хорошо раскрыта в книге Э.В. Ильенкова: «Человеческая рука может совершать движения и по форме круга, и по форме квадрата, и по форме любой другой, сколь угодно замысловатой и причудливой геометрической фигуры, обнаруживая тем самым, что *структурно-анатомически* она заранее не предназначена к какому-либо одному из названных “действий” и именно потому способна совершать любое. Этим она отличается, скажем, от циркуля, который описывает окружность гораздо точнее, чем рука, но зато не может описать очертания треугольника или квадрата... Иными словами, действие (хотя бы в виде пространственного перемещения, в виде самого простого и наглядного случая) тела “немыслящего” определяется его собственным внутренним устройством, его “природой” и совершенно не согласуется с формой других тел, среди которых оно движется. Поэтому оно либо ломает формы других тел, либо само ломается, столкнувшись с непреодолимым для него препятствием.

Человек — *мыслящее тело* — строит свое *движение по форме любого другого тела*. Он не дожидается, пока непреодолимое сопротивление других тел заставит его свернуть с пути; мыслящее тело свободно огибает любое препятствие самой сложной формы» [12, с. 38].

Понятие о детерминации движений одушевленного тела их целью, а также понятие об универсальности его движений, строящихся по форме других тел, должны быть положены, на наш взгляд, на основу научного подхода к изучению природы психики.

Движение одушевленного тела связано с поиском, включающим в себя процесс ориентации на будущее. Движения такого рода Н.А. Бернштейн называл живыми движениями. Живое движение — это не реакция, а акция, не ответ на внешнее раздражение, а *решение задачи* [4, с. 97, 117, 337 и др.].

Наиболее существенным признаком, отличающим живое движение от механического, является то, что оно представляет собой не только и не столько перемещение тела в пространстве и времени, сколько преодоление пространства и времени и овладение ими.

Хотя движение осуществляется во внешнем пространстве, оно вместе с тем имеет и собственное пространство. Н.А. Бернштейн на основании обобщения всей совокупности свойств моторики в ее взаимоотношениях с внешним пространством ввел понятие

моторного поля. Отсутствие устойчивых идентичных линий в моторном поле, неповторимость движения наводят на мысль о том, что живое движение каждый раз строится заново. Моторное поле строится посредством поисковых, пробующих движений, зондирующих пространство во всех направлениях.

Единство движения и психики проступает настолько отчетливо, что его можно обосновывать положениями, подобными тем, которые использовал А.Ф. Самойлов, говоря следующее: «Наш известный ботаник К.А. Тимирязев, анализируя соотношение и значение различных частей растения, воскликнул: “Лист — это есть растение!” Мне кажется, что мы с таким же правом могли бы сказать: “Мышца — это есть животное!” Мышца сделала животное животным, мышца сделала человека человеком» [23, с. 938].

Продолжая этот ход рассуждений, можно сказать, что живое движение — это и есть психика. В приведенном сопоставлении, на наш взгляд, действительно отражаются наиболее существенные черты соответствующих явлений.

Описание живых движений, действий и образов отражения потребовало нового концептуального аппарата, основы которого закладывались в трудах А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева и других. Специфика этих объектов исследования не может быть описана в терминах рефлекторной теории, или теории стимулов и реакций. Для этого необходимы термины, соответствующие таким понятиям, как «модель потребного будущего», «двигательная задача», «предвидение», «опробование», «поиск», «образ ситуации», «сукцессивные движения», «симультанные образы», «переход времени в пространство посредством движения», «повиновение движения предмету» и др. Эти понятия составляют фундамент психологической теории деятельности вообще и теории ориентировочно-исследовательской деятельности в частности.

Эти теории имеют предметом рассмотрения специфические живые движения, действия и образы и разрабатывают методы их изучения. Одна из проблем, формулируемых в рамках этих теорий, связана с определением условий того грандиозного скачка в развитии жизни, который привел к возникновению психики.

Интересную гипотезу о происхождении психики выдвинул П.Я. Гальперин. С его точки зрения, психика необходима в ситуации возникновения уникальной и неповторимой задачи. Решить ее субъект может правильно лишь в том случае, если его реальное действие предваряется опробованием и примериванием, которые выполнимы лишь в плане образов [6, с. 116—117].

Опираясь на проведенный анализ, можно дать краткую характеристику психики животных и человека. *Основные функции их психики — построение образов объективной действительности (ее отражение) и осуществление на основе этих образов поиска и опробования движений и действий, контролируемое*

*выполнение которых приводит к удовлетворению потребностей**.

На ранних стадиях филогенетического развития психики в теле животных выделился специализированный материальный орган — нервная система и мозг, определенной функцией которых и является психика. Мозг как особая часть тела человека служит органом его психики — сознания.

Животное удовлетворяет свои потребности посредством живых движений, осуществляемых в природной среде, совокупность которых характеризует его поведение. Ориентирование животного в среде опирается на *предваряющие* его поиск и опробование движений, что возможно лишь на основе образов, отражающих окружающую среду. В процессе эволюции животных психика развивалась по биологическим законам — от простейших ее форм до сложных (наиболее сложными формами психики среди животных обладают человекообразные обезьяны).

Человек удовлетворяет свои потребности посредством живых движений (или действий), осуществляемых в общественной среде, совокупность которых характеризует его деятельность. Деятельность человека, как и поведение животных, опосредствуется психикой, но приобретшей форму сознания (в сознании вместе с тем сохранились общие функции психики — построение образов действительности, а также поиск и опробование действий на основе этих образов). Сознание имеет общественно-историческую природу, которая позволяет человеку осуществлять поиск и опробование действий на основе *идеальных* образов.

К. Маркс, характеризуя связь труда с идеальным, писал: «Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [17, с. 189].

Иными словами, человек в процессе труда предвидит и предусматривает его продукт. Это предвидение имеет форму построения идеального представления, которое вместе с тем как сознательная цель предшествует производству продукта. Эта цель как закон определяет способ и характер действий человека, который подчиняет ей свою волю.

Потребности в учении К. Маркса также связаны с понятием *идеального*. Так, он писал следующее: «И если ясно, что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то... столь же ясно, что потребление полагает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель» [19, с. 28]. Следова-

* Психологическая природа образов подробно рассмотрена в статье В.В. Давыдова, В.П. Зинченко [8, с. 160—165].

тельно, потребление служит «двигателем» производства, труда постольку, поскольку имеет внутренний образ предмета, влечение к нему, потребность в нем, которые ставят цель получения данного предмета. Понятия «внутренний образ», «потребность», «влечение» и «цель» хотя и отличаются по содержанию друг от друга, однако могут быть объединены понятием идеального как средством обозначения той стороны деятельности человека, которая предшествует производству предмета, осуществляемому реальными действиями.

В отечественной психологии принято считать, что в процессе общественно-исторического развития человека труд был генетически исходной основой всех других видов его материальной и духовной деятельности, которые тем самым имеют принципиально общее с ним строение*. Во всех видах деятельности процессу получения ее предметного результата предшествует возникновение в голове человека потребности, влечения, внутреннего образа, представления и цели, которые позволяют ему в идеальном плане предвидеть, предусматривать и опробовать возможные действия, направленные к реальному достижению результата, удовлетворяющего потребность.

Нельзя не признать, что в отечественной философии и психологии разработке проблемы идеального уделялось мало внимания. Лишь в 70–80-х гг. появился ряд фундаментальных исследований, посвященных этой проблеме [11, с. 3–47; 12, с. 164–188; 14, с. 8–77].

На наш взгляд, наиболее перспективный в научном отношении подход к ней содержится в работах Э.В. Ильенкова.

Идеальное — это отражение внешнего мира в общественно определенных формах деятельности человека. «Когда Маркс определяет идеальное как “материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней”, — пишет Э.В. Ильенков, — он отнюдь не понимает эту “голову” натуралистически, естественнонаучно. Здесь имеется в виду общественно развитая голова человека, все формы деятельности которой, начиная с форм языка, его словарного запаса и синтаксического строя и кончая логическими категориями, суть продукты и формы общественного развития. Только будучи выражено в этих формах, внешнее, материальное превращается в общественный факт, в достояние общественного человека, т. е. в идеальное» [12, с. 171].

Идеальная форма материального предмета обнаруживается в способности человека активно воссоздавать его, опираясь на слово, чертеж, модель, в спо-

собности превращать слово в дело, а через дело — в вещь. Материальное становится идеальным, а идеальное — реальным лишь в постоянно воспроизводимой деятельности, осуществляющейся по схеме: вещь — действие — слово — действие — вещь. В этих постоянных переходах внутри человеческой деятельности только и существует идеальный образ вещи. Идеальное — это бытие внешней вещи в фазе ее становления в деятельности субъекта, в виде ее потребности и внутреннего образа. Поэтому идеальное бытие вещи отличается от ее реального бытия, как и от тех телесно-вещественных структур мозга и языка, посредством которых оно существует «внутри» субъекта. «Идеальное есть... форма вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке, в форме его активной деятельности...» [13, с. 221].

Однако человек, в отличие от животного, не сливается со своей жизнедеятельностью воедино, а благодаря общественному своему бытию отделяет ее от себя и превращает ее в предмет собственной особой деятельности. «Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная» [18, с. 93]. Превращение самой деятельности человека в особый предмет, с которым он может действовать, не изменяя до поры до времени реального предмета, является процессом формирования ее идеального образа.

Измениться идеальный образ может тогда, когда человек будет опредмечивать его, например, в языковых значениях, в чертежах и т. д., действовать с ним как с предметом, существующим вне себя. Непосредственно идеальное проявляется через «тело» слова, которое, оставаясь самим собой, в то же время оказывается «идеальным бытием» другого тела, его значением. Значение «тела» слова — это *представитель* другого тела, создаваемого человеком благодаря наличию у него соответствующей способности или умения. Когда человек оперирует со словом, а не создает предмет, опираясь на слово, то он действует не в идеальном, а лишь в словесном плане**.

Позиция Э.В. Ильенкова в истолковании сущности идеального позволяет высказать конкретную гипотезу о происхождении идеальных форм деятельности человека. На наш взгляд, условия их происхождения внутренне связаны с процессом общественно-исторического наследования подрастающими поколениями умений (шире — способностей) производить орудия, различные вещи, реальное материальное и духовное общение. Для того чтобы одно поколение людей могло передать другим поколениям такие свои реально проявляющиеся умения (способности), оно должно предварительно создать

* Так, А.Н. Леонтьев свое понимание общей структуры деятельности связал со строением трудовой деятельности (потребность — цель — действие).

** Это обстоятельство было продемонстрировано нами на материале экспериментального исследования, направленного на изучение закономерностей формирования математического действия сложения чисел у детей дошкольного возраста. Было показано, что с «идеальным бытием» словесно заданных чисел-слагаемых соотносится особая форма идеального действия сложения, связанная со своеобразным («сквозным») движением руки ребенка вдоль предполагаемого ряда предметов, которые создают требуемое слагаемое. Без такого движения (и, следовательно, без создания слагаемого в идеальном плане) ребенок оперировал не числом-слагаемым, а словом-числительным [7, с. 40–54].

и соответствующим образом оформить их общественно значимые, всеобщие эталоны. Возникает необходимость в изучении особой сферы общественной жизни, которая создает и языковым способом оформляет эти эталоны — они могут быть названы идеальными формами орудий, вещей, реального общения (т. е. формами вещей вне вещей). Эта сфера есть сфера культуры. Присвоение новыми поколениями ее продуктов (эталонов умений как идеальных форм вещей) служит основой исторического наследования ими реальных производственных и прочих умений и способностей.

Подход к такому пониманию связи идеального и культуры содержится в работах Э.В. Ильенкова. Он, в частности, писал: «Идеальность» вообще и есть в исторически сложившемся языке философии характеристика таких вещественно зафиксированных (объективированных, овеществленных, опредмеченных) образов общественно-человеческой культуры, т. е. исторически сложившихся способов общественно-человеческой жизнедеятельности, противостоящих индивиду с его сознанием и волей как особая «сверхприродная» объективная действительность, как особый предмет, сопоставимый с материальной действительностью, находящейся с нею в одном и том же пространстве (и именно поэтому часто с нею путаемый)» [14, с. 40].

Предыдущие поколения передают последующим не только материальные условия производства, но и способности производить вещи в этих условиях. Способности есть деятельная память общества о его всеобщих производительных силах.

Перед психологами возникает задача специального исследования исторического процесса становления способностей людей, средств и способов их выражения в культуре как идеальных форм человеческой деятельности, исследования процессов их присвоения и дальнейшего развития новыми поколениями*. Чтобы раскрыть содержание понятия сознания и его связь с понятием идеального, необходимо иметь в виду, что деятельность людей носит общественный характер. Согласно К. Марксу, общественная деятельность людей существует как в форме непосредственно коллективной деятельности, проявляющейся в их действительном общении, так и в форме индивидуальной деятельности, когда индивид действует, сознавая себя как общественное существо [18, с. 118]. «Практическое созидание предметного мира... есть самоутверждение человека как сознательного — родового существа, т. е. такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности, или к самому себе как к родовому существу» [там же, с. 93].

Сущность человека — это совокупность всех общественных отношений. Следовательно, человек относится к своим общественным отношениям как к собственной сущности, а тем самым и к самому себе

как к родовому существу. Здесь имеет место отношение индивида к общественным отношениям, т. е. удвоение отношений, которое как раз и характерно для сознания: «Человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно...» [там же, с. 94]. Следовательно, человек удваивает себя и реально, опредмечивая в труде свою родовую жизнь [там же, с. 94]. В своем сознании человек «... только повторяет в мышлении свое реальное бытие...» [там же, с. 119].

Таким образом, благодаря сознанию индивид вместе с тем является и родовым (или всеобщим) существом. «Индивидуальная и родовая жизни человека не являются чем-то различным, хотя по необходимости способ существования индивидуальной жизни бывает либо более особенным, либо более всеобщим проявлением родовой жизни...» [там же, с. 119].

Всеобщность реальных общественных отношений может быть представлена в сознании (мышлении) индивида благодаря идеальной природе сознания. «...Если человек, — писал К. Маркс, — есть некоторый особенный индивид и именно его особенность делает из него индивида и действительное индивидуальное общественное существо, то он в такой же мере есть также и тотальность, идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества...» [там же, с. 119].

Идеальная, субъективная представленность индивиду его реальных общественных отношений (реального бытия) и есть его сознание. В идеальной форме индивиду дана целостность (тотальность) его реального бытия.

Идеальное как основа сознания возникает, как отмечалось выше, благодаря речевому общению людей, связанному с языковыми значениями. Эти значения опираются на общественно выработанные способы действия — в них представлена «свернутая» в материи языка идеальная форма существенных связей и отношений предметного и социального мира, раскрытых совокупной общественной практикой [15, с. 176].

«...Язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание...» [16, с. 29].

Высказывания людей — это социальные (общественные) события их речевого взаимодействия. Поэтому при построении своих высказываний каждый человек стремится учитывать, например, взгляды, убеждения, симпатии и антипатии своих слушателей [3, с. 276]. При этом «высказывание занимает какую-то определенную позицию в данной сфере общения, по данному вопросу, в данном деле и т. п. Определить свою позицию, не соотнося ее с другими позициями, нельзя» [там же, с. 271].

В сознании индивида благодаря идеальному воспроизведению в нем определенных общественных

* Д.Б. Эльконин на историко-этнографическом материале показал, как использование детьми некоторых слаборазвитых народов простых игрушек позволяет им «присвоить» ряд общих сенсомоторных способностей, необходимых в дальнейшем для овладения конкретными профессиональными умениями и навыками [25, с. 54–64].

отношений тем самым идеально представлены и определенные потребности, интересы, позиции других людей, включенных в эти отношения и первоначально участвующих вместе с данным индивидом в коллективной деятельности. Поскольку собственная деятельность этого индивида при ее идеальном воспроизведении является особым предметом его сознания, то он может рассматривать, оценивать и планировать свою деятельность как бы со стороны, так сказать, глазами других людей, с учетом их потребностей, интересов и позиций. Иными словами, данный человек начинает действовать как общественный человек. Вместе с тем он и сам выступает при этом в качестве представителя определенных общественных отношений.

Эти особенности сознания обнаруживаются уже на уровне перцептивной деятельности человека, его непосредственного созерцания. «Уметь видеть предмет по-человечески, — писал Э.В. Ильенков, — значит уметь видеть его глазами “другого человека”, глазами всех других людей, значит в самом акте непосредственного созерцания выступать в качестве полномочного представителя “человеческого рода”...» [14, с. 241]. Вместе с тем «уметь смотреть на мир глазами другого человека — значит, в частности, уметь “принимать близко к сердцу” интерес другого человека, его запросы к действительности, его потребность. Это значит уметь сделать всеобщий “интерес” своим личным и личностным интересом, потребностью своей индивидуальности, ее пафосом» [там же, с. 241].

Отметим, что, с точки зрения Э.В. Ильенкова, указанные умения, позволяющие индивиду видеть предметы и действовать сознательно, т. е. по-человечески, в качестве представителя рода, тесно связаны с развитым воображением, которое позволяет индивиду как бы «сразу» и интегрально видеть вещь глазами всех других людей, не ставя себя на место каждого из них [там же, с. 142].

В индивидуальном сознании можно выделить несколько основных функций. Во-первых, сознание идеально представляет в индивиде позиции людей, включенных вместе с ним в определенные общественные отношения. Во-вторых, сознание позволяет индивиду самому быть представителем этих отношений. В-третьих, индивид благодаря сознанию активно строит собственную деятельность (это становится возможным благодаря тому, что развиваются такие основные функции психики, как поиск и опробование, а также наличие идеального образа самой деятельности).

Остановимся на характеристике третьей функции сознания. Человек как общественное существо имеет много материальных и духовных нужд. Поиск и опробование средств их удовлетворения приводят индивида к построению образов объектов этих нужд, т. е. к возникновению потребностей в соответствующих предметах материальной и духовной культуры, которые побуждают субъекта к деятельности. Потребность вначале направлена на широкий и еще неопределенный круг предметов. Поиск и опробование конкретных предметов, соответствующих потребно-

сти, приводят к возникновению мотивов деятельности. В условиях общественной жизни индивид не может непосредственно получить требуемый мотивом предмет — его необходимо произвести. Этот предмет становится целью действия. При поиске и опробовании цели индивид определяет задачу, при решении которой он может произвести требуемый предмет. Для решения задачи индивид должен найти и опробовать соответствующее действие, которое затем нужно реально произвести, контролируя его выполнение волей, выраженной во внимании.

Индивид при построении идеальных составляющих своей деятельности (потребностей, мотивов, целей) и идеальных образов ситуаций, в которых осуществляются действия, должен постоянно учитывать потребности, интересы и позиции других индивидов, т. е. действовать как сознательное, общественное существо. Поиск и опробование составляющих деятельности происходят на основе того предметного материала, который предоставляется индивиду ощущениями, восприятием, памятью, воображением и мышлением.

Наличие у индивида идеального образа его собственной деятельности позволяет ему рассматривать наедине с самим собой ее основания, изменять замыслы своих действий, контролировать свои намерения, желания и чувства, формулировать высказывания, соответствующие конкретной ситуации. Поэтому идеальный образ деятельности можно назвать ее внутренним планом, в отличие от внешнего плана, в котором деятельность реально осуществляется.

Формирование у человека функций сознания происходит таким образом: вначале эти функции включены в построение коллективной деятельности, а затем в измененном виде они начинают обеспечивать выполнение индивидуальной деятельности [5, с. 145].

Опираясь на результаты проведенного анализа проблемы индивидуального сознания, можно дать следующую его общую психологическую характеристику: сознание — *это воспроизведение человеком идеального образа своей целеполагающей деятельности и идеального представительства в ней позиций других людей*. Сознательная деятельность человека опосредствована коллективом — при ее осуществлении индивид учитывает позиции других его членов.

Таким образом, понятия деятельности, идеального и сознания имеют глубокие взаимосвязи. Эти понятия необходимо рассматривать в их непрерывном единстве и вместе с тем четко их различать.

Так, идеальное является образом предметной деятельности человека, а не самой деятельностью в ее плоти и крови. При этом необходимо иметь в виду, что идеальное — это коллективно создаваемый людьми мир духовной культуры, мир исторически складывающихся и социально зафиксированных всеобщих представлений о реальном, материальном мире, который противостоит индивидуальной психике человека и которому подчиняется индивидуальное сознание [14, с. 17–18, 30 и др.].

Мышление как способ деятельности*

Мышление не отдельная частная способность, а *способ деятельности субъекта* в расчлененной действительности, рассматриваемой с точки зрения ее *собственных* качеств. В чувствах вещь рассматривается с точки зрения возможностей субъекта действовать, но, когда чувства скажут «действовать», нужен *анализ объекта действия*, его собственных качеств. Это уже функция мышления — оно определяет *действие по логике вещей*. Чувственная ступень познания обеспечивает отражение вещей не такими, как они есть, а такими, какими они кажутся нам, в их отношении к нашим наличным потребностям. Подлинную ориентацию в собственных свойствах вещей дает лишь мышление.

Мышление есть и у животных. Они тоже способны оценивать ситуацию с точки зрения ее собственных характеристик. Но человеческое мышление принципиально иное. В чем его отличие?

Нередко утверждают, что специфика человеческого мышления обусловлена его связью с речью, которая по своей природе (общественной природе) всегда фиксирует что-то общее в вещах. Действительно, человек, обладая речью, всегда выражает свои впечатления в общем виде и свои знания может передать другому, опять-таки в речевой форме и благодаря ей. Но отличие человеческого мышления от мышления животных по связи с речью — это отличие не по содержанию, а по форме. Всегда остается открытым вопрос, а могут ли животные, не обладая речью, отражать действительность в обобщенном и опосредованном виде, — отсюда и бесконечные споры: либо мы признаем за ними эту способность, либо мы полностью ее отрицаем, а тогда вступаем в противоречие с фактами. Мы должны понять, что принципиальное отличие нашего мышления от мышления животных есть, но это отличие по содержанию определяется не самой по себе связью с речью.

Маркс замечал, что глаз орла видит дальше человеческого, но человек видит больше благодаря особенностям своего мышления. Мышление человека и мышление животных отличаются по типу ориентации в свойствах действительности: животные (в том числе и наиболее разумные среди них — обезьяны, дельфины) ориентируются в тех свойствах вещей, которые обнаруживаются в их бытии *до их изменений*, при этом ориентировка может быть очень тонкой. Человек начинает ориентироваться в свойствах мира, которые выступают в вещах *при их изменении*, т. е. при столкновении с другими вещами. Животное ориентируется на постоянные *наличные* свойства, а человек — на свойства, которые не только были, есть, но и *могут* появиться при их столкновении с вещами, т. е. человек в своих действиях может учитывать как реальность возможные свойства.

Но это не означает, что мышление человека всегда именно таково. У человека любого уровня развития есть два уровня мышления:

- ориентация на наличное положение вещей,
- ориентация на возможное положение вещей как следствие их взаимодействия.

Один человек может поставить другого в трудное положение за счет изменения ситуации, введения в нее новых свойств, в которых тот другой не сможет быстро сориентироваться, так как он был ориентирован только в наличной ситуации. Животные к этому не способны. Можно обнаружить лишь некоторые зачатки, позволяющие понять возможность перехода к мышлению человеческого типа: это возможность действия в ситуациях, где изменения даны в наглядном плане. Важно также и следующее: обезьяны даже в этом случае используют изменения вещей не систематически, и это не становится всеобщим способом жизни. Сама способность к этому у животных есть, но эти случайные акты не меняют в жизнедеятельности животных *коренным образом* ничего.

Указанная способность мышления человека исторически связана с трудом и только с трудом, ибо он без учета свойств, возникающих при столкновении вещей, невозможен. При этом сначала возможна ориентация деятельности на соотношение нового *наличного* свойства, наступившего после изменения, с тем другим свойством, которое было до взаимодействия. На этой основе рождается и способность *предвидеть*, что произойдет, если произвести с вещью определенные преобразования. Специфика человеческого мышления зиждется на *производстве* вещей и учете их изменяющихся свойств, причем не по конечному результату, ибо в итоге это тоже ориентировка на *наличные* свойства, а *по ходу* действия, до наступления изменений.

Чтобы понять какое-либо явление, в том числе и мышление, нужно подходить к нему с позиции его наиболее развитой формы. Развитое мышление обладает такими признаками.

Человек рассматривает серию возможных ситуаций как результат преобразования исходной ситуации. При этом он берет всевозможных вариантов ситуации и каждый из возможных вариантов представляет отдельно, как крыло веера, каждое из которых связано с другими в одной точке. Выбирает из возможных ситуаций предельные или такие, которые представляют некоторые группы (например, в траектории полета пули такими группами могут быть участки взлета, прямолинейного движения, падения). Важно, чтобы ситуации в группе были характерны для всей группы, обладали признаками, объединяющими их и отличающими одновременно от ситуации в других группах.

Далее ориентация начинается по отношению к тем возможным ситуациям, которые являются типичными «представителями» группы, т. е. действие

* Этот параграф подготовлен по найденной в архивах В.В. Давыдова распечатке лекции, прочитанной для студентов психологического факультета МГУ. Мы сочли, что этот текст (в несколько отредактированном и сокращенном виде) следует включить в книгу, так как в нем представлены важные моменты давыдовского понимания человеческого мышления как особого способа деятельности. — *Ред.*

переключается с частной ситуации на ее модель, схему. Этот *переход от реальной ситуации к схеме* и есть самое характерное для человеческого мышления. Каждая группа заменяется типичным своим представителем, изменения которого теперь становятся показателем возможных изменений группы. Важнейшим моментом этого процесса является способность человека действовать с идеальным образом вещи так, как с самой вещью (тут опять существенны особенности человеческой речи, хотя они сами по себе не исчерпывают всего процесса и не объясняют его полностью).

Итак, суть развитого человеческого мышления в том, что исследовательский акт человека есть движение от реальной вещи к схеме и от нее к реальным особенностям вещи.

При поведении в активной среде есть две формы связи «субъект — объект»: чувственная и рациональная.

Чувственная — отражение с помощью чувств (не в смысле органов чувств, а в смысле переживаний). Это отражение возможностей субъекта действовать в среде, но ни в коем случае не отражение самой среды. Чувство говорит только о возможности действия, его целесообразности в зависимости от соотношения возможностей организма и препятствий среды. Это источник, двигатель поведения.

Для самого же действия, для осуществления поведения нужна другая форма отражения, которая бы обеспечила отражение самих свойств вещей. Это рациональная форма отражения. Такое отражение осуществляется безотносительно к наличным возможностям действия, и, в отличие от чувственного отражения, — это отражение свойств вещей в их различиях, компонентах, вариантах, системах, а не в целом. С помощью этой формы отражения обеспечивается отличие главного от второстепенного, выделение нужных, адекватных способов в соответствии со свойствами данных вещей. Например, когда человеку нужно сесть, среди окружающих вещей выделяются те и только те, которые обладают свойствами, обеспечивающими определенную функцию. Выделение этих свойств сопровождается одновременно абстрагированием от всех других (цвет, размер, материал). Но тот же предмет может использоваться совсем для других целей, и тогда в нем выделяются другие свойства (например, когда стул рассматривается как украшение комнаты). Такое выделение свойств и такое абстрагирование основаны на расчленении свойств действительности с последующей ориентацией на определенные свойства. Все это и составляет характерные черты *интеллекта*.

Зачем необходимо рациональное отношение к действительности? Мышление (ум, интеллект, разум) *есть поиск необходимых условий действия путем фактического или представляемого изменения ситуации*.

Здесь нужно рассмотреть три важнейших понятия: 1) необходимые условия действия, 2) поиск и 3) изменение ситуации.

Необходимые условия действия — это такие свойства предметной ситуации, ориентация на которые *закономерно* приводит к желаемому результату.

Например, если дровосек не может расколоть пень с помощью топора, так как пень слишком велик и усилий дровосека не хватает, то он делает небольшую щель, вставляет в нее клин и благодаря этому добывается результата: он выяснил такие свойства ситуации, которые закономерно приведут к желаемому результату. Гегель говорил: *ум состоит в том, чтобы столкнуться вещи друг с другом и по их необходимости получить собственный результат*. Свойства ситуации, если они учтены правильно, сами по себе приведут к результатам. В этом, говорит Гегель, *хитрость ума*.

Думать приходится тогда, когда столкновение вещей не приводит к нужному, ожидаемому результату. Во время *действия* человек исходит только из *наличной* ситуации. Включение *мыслительного* анализа позволяет *представить* свое действие, соотнести условия и цель, увидеть причину неудач. Решить — это и есть, прежде всего, увидеть причину неудач, а увидеть причину неудач — значит понять необходимые закономерные связи вещей. В проблемной ситуации всегда нужно найти такое свойство, которое *закономерно приведет к результату*. Способный человек отличается от малоспособного именно этим: малоспособный перебирает все возможные варианты, т. е. действует методом «проб и ошибок»; способный же человек быстро переходит от неудачных проб к постановке вопроса, какое свойство в ситуации без его усилий приведет к результату. Природа умения *«сразу видеть»* возможность получения желаемого результата пока неизвестна, но твердо установлено, что *суть способности находить решения — в этом умении*.

Поиск. Это одна из самых сложных категорий в психологии. Поиск рассматривается как исследование свойств действительности, направленное на выявление ее существенных (ключевых, генетически исходных) компонентов.

К такому пониманию поиска психология пришла сравнительно недавно. В окружающей действительности есть неоднородность, — она имеет многослойное строение, где одни слои порождают другие, т. е. генетически одни являются базой возникновения других. В любой ситуации можно выделить исходные, генетически производящие, и производные. Так, понятие организм и научиться управлять им — значит прежде всего найти и понять его генетически исходные структуры. Такowymi являются клетки. Биология трудными путями шла к данному открытию, и это был поиск ключевых, исходных компонентов в том смысле, в котором мы употребили выше это понятие.

А может ли быть названа поиском ситуация, когда человек ищет иголку в стоге сена? Лингвистика допускает такое применение слова «поиск», а психология мышления? Если человек беспорядочно ворошит солому, то это в психологическом смысле поиском не является. Но отыскивание иголки может стать поиском, если стог как геометрическую фигуру делят на секции и определяют рациональный маршрут поиска.

Основные моменты поиска — следующие:

1. *Анализ свойств и функций изучаемого объекта, выявление первичных и вторичных компонен-*

тов, а также наиболее устойчивых и изменяющихся компонентов.

Наиболее устойчивые компоненты — это, как правило, и есть генетически исходное, первичное. Разделить первичное и вторичное в системе нередко бывает крайне трудно. Так, в социальной системе первичными являются экономические факторы, но к открытию этого пришли сложным путем, ибо на поверхности первичными кажутся социально-психологические факторы, но на самом деле они вторичны.

2. *Построение модели изучаемой системы.* Модель — это такое изображение объекта, в котором концентрируются его производящие и формообразующие возможности. Наиболее удачное, на наш взгляд, определение модели дано В.А. Штоффом: «Под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [24, с. 19]. Сюда следует добавить, что без модели, без процесса ее построения и исследования в самом предмете искомые свойства обнаружены быть не могут. Таким образом, модель — это:

- а) изображение предмета, подлежащее изучению;
- б) свойства, изучаемые в модели, равны свойствам моделируемого предмета;
- в) эти свойства открываются в предмете благодаря модели.

При проектировании плотин используют модели гидроэлектростанций. В самой действительности проблемы, стоящие перед проектировщиками, не могут быть решены в принципе: их решать надо до постройки плотины. И эта работа с моделью удовлетворяет всем названным выше требованиям. Важно отметить, что модель сама по себе смысла не имеет, и ее свойства важны и нужны лишь постольку, поскольку они постоянно соотносятся с моделируемым объектом, его свойствами. На приведенном примере ясно, почему, говоря о модели, мы употребили понятие «концентрат»: не имеют значения многие характеристики берегов (вид местности, растительность), состав воды, — конечно, в определенных пределах, — но зато очень существенна именно концентрация свойств объекта.

В любом поиске всегда осуществляется построение модели. Если вы не нашли какую-то вещь в комнате, то начинаете представлять, когда видели ее в последний раз, что тогда делали и что могло произойти потом. Вы, конечно, не можете повторить саму ситуацию — сама ситуация необратима, но вы воспроизведете ее основные особенности. И это тоже построение модели: преобразовав свое представление — модель, вы можете решить задачу. Но не всякое представление есть модель, как и не всякая схема является моделью. Представление, схема и т. п. становятся моделью только тогда, когда благодаря им мы узнаем об объекте что-то новое.

Во всяком поиске есть перенос свойств частного на свойства целого. Когда проектировщики плотин на модели найдут определенные гидротехнические

решения, всё остальное они выведут посредством расчетов, т. е. уже не моделируя, а чисто техническими операциями. Моделирование, конечно, не гарантирует от ошибок, более того, оно принципиально допускает возможность ошибки вследствие именно этого принципа переноса. Но благодаря моделированию возможности контролировать результаты и предвидеть ошибки повышаются.

При поиске надо правильно определить то, что должно диктовать требования всей системе, найти то частное, которое определяет систему. Это фундаментальная способность, требующая полноценного формирования.

3. *Изучение свойств самой модели в ее «чистом виде», в ее всеобщих характеристиках с целью определения закона появления всех частных ее форм.* В этом суть поиска.

Изменение модели. Поиск построен на изменении модели. Это изменение может осуществляться реально, физически, или в плане представления. Важная черта мышления в том, что необходимые условия действия находятся путем предварительного изменения ситуации, а модель — средство подобных изменений.

Очень важный (едва ли не самый важный) для понимания мышления момент состоит в следующем.

Мышление — это исследование, когда реальная система разбивается на отдельные компоненты, где выделяются ключевые точки и ориентация в дальнейшем идет по этим точкам. Мыслительный процесс сводит реальное положение вещей к идеальному, разбивая весь процесс на части, — по отношению к каждой из частей строится модель, а дальше идет изучение моделей и их взаимоотношений. Последующее изменение реальной вещи возможно лишь потому, что было произведено изменение ее идеальной модели. Процесс подлинно человеческого мышления как исследования состоит в том, что *в заместителях исследуются свойства реальных вещей*. Важно, чтобы заместители были адекватны объекту и действовали в соответствии не со своими свойствами, а со свойствами реальных объектов, которые они замещают. Именно в этом заключается сущность творческого акта. Сила Ньютона не в том, что он увидел, как падает яблоко, и даже не в том, что он удивился этому, а в том, что в падении яблока он увидел всеобщее отношение вещей.

Немецкий химик Ф.А. Кекуле составил себе славу открытием формулы бензола. До него все формулы строились с учетом единственной валентности, а он ввел понятие двойной валентности. Мысль об этом пришла ему в зоопарке, когда он увидел цепочку обезьян, в которой одна из обезьян одной лапой держалась за лапу обезьяны, как, впрочем, и все остальные обезьяны, но остальные обезьяны и другой лапой делали то же самое, а эта держалась за решетку клетки. И в этом химик, долго бившийся над неразрешимой проблемой, увидел принцип соединения химических элементов. Обезьяны стали только моделью, и их свойства как обезьян в этой схеме не имели никакого значе-

ния. Это обычная схема открытия: в одних объектах видят свойства других.

На основании изложенного можно сказать: если не удастся решить задачу, надо перейти к моделированию. Нужно искать модель, в чем-то сходную с основной ситуацией, но такую, где возможны преобразования. Такая модель не находится совсем «рядом» (не в пространственном, конечно, смысле) — это должно быть нечто другое. Но закономерности механизма поиска пока еще мало изучены.

Итак, реально у каждого человека есть два основных типа мышления: рассудок (возможность отражения необходимых условий поиска в наличных ситуациях) и разум (поиск необходимых условий за счет изменения исходных ситуаций, как правило, путем моделирования). Творческий мыслительный акт требует ухода от ситуации к ее модели, выделения в ней ключевых точек, анализа модели с точки зрения особенностей моделируемой ситуации.

К определению умственного действия

Обычно умственное действие определялось как такое действие, которое совершается в словесной форме «про себя» (в плане «внешней речи про себя» и в плане собственно «внутренней речи» — по терминологии П.Я. Гальперина). Здесь указывалась форма этого действия, но не его специфическое функциональное назначение, не его отличие по функции от внешних, «неумственных» действий. Правда, умственное действие еще дополнительно определялось как «сокращенное» и «свернутое», в отличие от развернутых предметных действий. Это важнейший признак его определения, но и он, как мы покажем ниже, не выражает специфики умственного действия. Определение функции последнего является первостепенной и неотложной задачей исследования.

В настоящее время особенно подробно и систематически исследовано формирование такого умственного действия, как арифметическое сложение (Н.А. Менчинская, Л.С. Славина, Н.И. Непомнящая, И.Е. Голомшток, В.В. Давыдов и др.). Процесс его формирования проходит ряд уровней, каждый из которых определяется закономерной связью между формой выражения объекта (количества) и способом выполнения действия. На первом, исходном уровне предметное выражение количества диктует строго определенный способ сложения — предварительное составление слагаемых и затем нахождение результата путем их поединичного пересчитывания. Изменение этой зависимости характеризует переход на второй уровень: когда дети вынуждены складывать без предметов, они изменяют и способ действия. Теперь слагаемые предварительно не составляются (они предполагаются заданными в самом числительном), но вместе с тем поединичное пересчитывание — характерное для сложения предметов — еще сохраняется (задание « $3 + 2$ » выполняется так: «1, 2, 3 — 4, 5, будет 5»). В определенных условиях пересчитывание сменяется у детей присчитыванием,

т. е. прямым прибавлением одной слагаемой группы к другой («3 и 2, будет 5»), что уже характерно для оперирования с числом как понятийным выражением количества. Это и есть третий, собственно умственный план выполнения задачи сложения. Его негативное определение, следовательно, состоит в том, что задача решается здесь, во-первых, безотносительно к непосредственно предметному выражению объекта и, во-вторых, безотносительно к исходному, предметному способу действия с ним.

С этой точки зрения какое-либо действие можно определить как умственное не по признаку выполнения «про себя», а по его содержанию — если оно является таким способом решения задачи, в котором обнаруживается безотносительность к конкретному предметному способу, к прежнему, теперь уже преодоленному исходному пункту (присчитывание, как умственное действие, есть преодоление пересчитывания — предметного способа сложения).

Выполнение действия «про себя» является сопутствующим, но не специфическим признаком умственного действия. В частности, словесное пересчитывание на втором уровне выполнения сложения часто осуществляется детьми «про себя», однако этот способ характерен для предметного, а не для умственного действия.

Это же относится и к определению умственного действия как «сокращенного», «свернутого», — конечно, эти признаки у него есть, но в общей форме — сами по себе — они его не характеризуют. Так, то же сложение без предметов уже «сокращено» по сравнению со сложением самих предметов (из него, в частности, «выпала» операция по предварительному составлению слагаемых), но «умственным» — при сохранении поединичного словесного пересчитывания — оно еще не является. Для умственного действия специфичен только определенный тип «сокращения», определяемый его функциональным назначением — обеспечивать безотносительность действия к предметному способу решения задачи.

Такой подход требует конкретного и детального анализа структуры того действия, которое мы можем обозначить как «умственное». Этот анализ опирается на сопоставление форм выражения объекта и способов действия на разных уровнях. Без этого сопоставления, представляющего особый вид исследования, невозможно сказать, является ли данное словесное действие умственным или нет.

Как показали экспериментальные и теоретические исследования (Н.И. Непомнящая, Г.П. Щедровицкий, В.В. Давыдов и др.), преодоление предметного способа выполнения задания диктуется тем важнейшим обстоятельством, что каждый человек может и должен в своих действиях опираться на результат действия других людей, фиксированный словом. Предметный способ решения задачи раскрывает человеку реальный состав ее условий и поэтому с необходимостью предшествует всем непредметным способам, но он же до минимума сводит использование результатов, найденных другими людьми при решении этой задачи и теперь выражаемых в слове. Так, получив задание

«3 + 2» и выполняя его предметным способом (составляя слагаемые, сближая их и пересчитывая единицы для определения суммы), ребенок овладевает объективным составом условий задачи «произвести сложение». Но при этом он фактически «игнорирует» такие уже найденные другим (предлагающим задание) человеком результаты, как фиксирование в числителе именно трех и двух единиц, которые можно (как уже просчитанные другим человеком группы) сразу соотнести, «связать» и вывести сумму. Умение опираться на определенность заданной слагаемой группы ребенок приобретает лишь на третьем уровне выполнения сложения. Так что преодоление предметного способа действия состоит в учете результатов, достигнутых другим человеком и фиксированных, переданных в слове.

Специальные экспериментальные исследования (Н.И. Непомнящая, В.В. Давыдов) показали, что психологическим механизмом умственного действия, имеющего вышеуказанную функцию, является *условное* выполнение реальных, предметных действий. При «условности» выполнения сохраняется общая схема предметного действия, но пропускаются его промежуточные звенья. Такое действие опирается на фиксированный словом результат ранее проведенного реального действия, но происходит это так, что пропускаются те операции, которые только и приводят к этому результату.

В сложении посредством присчитывания (как умственного действия) условное выполнение пересчитывания (предметного способа сложения) выступает в форме «сквозного», слитного движения руки вдоль всех элементов слагаемого без остановки на каждом в отдельности с одновременным обозначением числительным всей группы.

Таким образом, при определении умственного действия нужно учитывать следующие моменты: умственное действие обнаруживается в преодолении предметного способа решения задачи, что психологически выступает как *условное* выполнение предметных операций, при котором учитываются (предполагаются) результаты действий других людей, фиксированные словом.

Структура мыслительного акта

В области психологии мышления собран большой эмпирический материал, постоянно дополняемый всё новыми и новыми экспериментальными данными. Вместе с тем рассмотрение этого материала, специальных обзоров по психологии мышления и соответствующих теоретических исследований показывает, что остается далеко не выясненной принципиальная структура самого мыслительного акта, лежащая в основе всех процессов и видов мышления. Именно это обстоятельство и приводит к путанице и разноречивости в понимании особенностей мышления, которые часто имеют место при попытках дать целостное и логически выдержанное изложение относящихся сюда эмпирических сведений. Поэтому

требует специального рассмотрения вопрос о том, какими специфическими признаками обладает мыслительный акт, в отличие, например, от актов памяти или внимания, восприятия или воображения. Только зная эти отличительные признаки, можно объективно вычленять и, следовательно, систематически исследовать собственно мыслительные явления внутри совокупного процесса психической деятельности субъекта. Естественно, что только при этом условии можно понять и объяснить связь мышления с другими формами психики.

Мышление — это развитая из особой единой основы и расчлененная форма психической деятельности, выступающая во многих видах и типах, имеющих свои особые механизмы. И в определение структуры мышления неизбежно должен входить этот момент, раскрывающий закономерность ее расчленения и развития. В отличие от этого, определение мыслительного акта не предполагает рассмотрения всех тех видоизменений, которые он приобретает в развитой структуре целостного мышления, создавая его конкретную характеристику. Так что определение мыслительного акта не совпадает с определением развитого мышления как такового — оно в абстрактной форме фиксирует ту специфическую функцию и тот специфический механизм, который лежит, как «клеточка», как «ячейка», в основе всего мышления, составляя его нерв, отграничивая все его виды и частные особенности от других психических процессов, а тем самым позволяя решать мышлению задачи, недоступные для других форм психики. Таким образом, определение структуры мыслительного акта совпадает с определением всеобщего в мышлении, с определением его «клеточки».

В большинстве психологических теорий признается, что мышление возникает в проблемной ситуации, разрешение которой требует определенного преобразования открыто заданных отношений (того, что известно, — исходного предмета мысли). В ходе преобразования («анализа», «синтеза», «абстракции», «обобщения» и т. д.) происходит выделение («усмотрение») тех ранее скрытых отношений, опора на которые и приводит к решению задачи. При этом само понимание особенностей исходных данных и строения «анализа», «синтеза» весьма различно и даже противоположно (классические ассоциационистские, бихевиористские, гештальтские и другие теории). Но в одном аспекте все эти теории, как правило, бывают сходны: он касается понимания того, чем определяется заданность отношений как «открытых» или как «скрытых». Предполагается, что при всем различии содержания этих отношений их прямая или косвенная заданность зависит от положения или, так сказать, ракурса самого предмета мысли, от отсутствия или наличия тех или иных промежуточных содержательных характеристик предмета, позволяющих от известного перейти к неизвестному. Поэтому в принципе полагается допустимым, что обнаруженные в ходе мышления те или иные новые отношения в другой ситуации могут быть сразу заданы открыто и фиксированы в той же

форме представления или понятия, в которой фиксировались и «старые» открытые свойства. Возможность некоторым отношениям быть открыто или скрыто заданными не связывается в этих теориях с определенной субъективной формой отражения и оперирования объектом мысли (представлен ли этот объект в предметно-чувственной форме или в форме понятия). Поэтому в пределах рассматриваемых теорий не выделяется и специально не исследуется вопрос о том, какая форма задания делает те или иные отношения «скрытыми» или «открытыми» для субъекта и в какую форму нужно перевести исходные данные, чтобы в них «проявились» качества, необходимые для решения задачи (этой формой может быть понятие как таковое, если исходные отношения заданы непосредственно, предметно-чувственно; или этой формой может быть более высокий уровень понятия, если «известное» уже имеет определенное понятийное выражение). Естественно, что при таком подходе специально не рассматривается деятельность субъекта по переводу исходных данных в ту форму отражения (например, в понятийную), в плане которой открывается возможность рассмотрения новых отношений и качеств объекта. Механизмы мыслительных процессов сводятся к изменению содержания самих предметов мысли путем «отнятия» или «прибавления» к ним тех или иных «частей», «зависимостей», т. е. из них исключается деятельность субъекта по изменению формы задания известных отношений. Но именно последнее, на наш взгляд, позволяет понять психологически и самое возможность движения в содержании объектов.

В последнее время в нашей научной литературе наиболее развернутое изложение психологической теории мышления и обоснование путей его исследования даны в работах С.Л. Рубинштейна [22], которые во многом продвинули понимание существенных свойств и особенностей мышления. Однако С.Л. Рубинштейн не усматривает существа мыслительных процессов в придании исходным данным такой формы, которая единственно и позволяет обнаруживать скрытые в них отношения. Вместе с тем именно исследование С.Л. Рубинштейна вплотную подводят к необходимости такого понимания содержания мыслительных актов. Вкратце основные положения его теории мышления сводятся к следующему. Мышление — это специфическая форма взаимодействия субъекта с объектом [там же, с. 136], это процесс, деятельность [там же, с. 25], состоящая в раскрытии неданных, неизвестных свойств объекта, имплицитно заключенных в нем, через отношение их к тому, что дано эксплицитно [там же, с. 14]. Ведущее звено, основной нерв всей и всякой мыслительной деятельности составляет особая форма анализа через синтез. «Эта основная форма анализа, основной нерв процесса мышления заключается в следующем: объект в процессе мышления включается во всё новые связи и в силу этого выступает во всё новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из объекта, таким образом, как бы вычерпывается всё новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз другой своей

стороной, в нем выявляются всё новые свойства» [там же, с. 98–99]. Частным случаем такого «поворачивания» объекта является переформулирование исходных элементов задачи, которые, включаясь в новые связи, выступают в новом качестве и потому в новой понятийной характеристике [там же, с. 106]. «Всякая содержательная переформулировка задачи, ее условий и требований означает по существу новый этап ее анализа» [там же, с. 110]. Новая понятийная характеристика, в которой выступает объект, обуславливает дальнейший ход мыслительной деятельности [там же, с. 136–137].

Эта точка зрения в принципе не отличается от традиционного определения мыслительных процессов в различных психологических теориях. Мыслительная деятельность по результатам уже совершенных мыслительных актов представляется как движение в плоскости исходного содержания объекта: последний включается в новые связи и в силу этого обнаруживает новые качества. Понятие есть лишь средство фиксации нового качества, которое, следовательно, обнаруживается субъектом еще до придания ему понятийной формы. Таким образом, в теории С.Л. Рубинштейна понятийная характеристика выступает лишь как средство удержания качеств объекта, но не как активная форма осуществления самого открытия новых качеств, новых отношений объекта.

При таком понимании функции понятия мы ни на шаг не продвигаемся в раскрытии специфических механизмов мыслительного акта (*resp.* — мышления вообще), ибо не решается основная проблема: за счет каких средств субъект может ставить объект в новые отношения, открывая тем самым и новые его качества? Какими средствами, «субъективными» рычагами человек «поворачивает» предмет?

На эти вопросы не может быть дан ответ, если оставаться в пределах теорий, которые не связывают процесс самого открытия нового качества, процесс «включения» его в новые связи с особыми формами действия самого субъекта, с определенными формами и уровнями отражения. Если понятия берутся только со стороны их содержания, со стороны их фиксирующей функции, то процесс обнаружения имплицитно заданных качеств остается принципиально необъяснимым, ибо в этом случае нельзя указать субъективные средства целенаправленного движения в содержании объекта, средств его «поворачивания».

Но этот процесс становится в принципе объяснимым, если изменить традиционную точку зрения на понятие и рассматривать его не только со стороны уже обнаруженного и фиксированного содержания, но и как специфическую форму, средство действия субъекта по обнаружению еще скрытых качеств объекта (и не всяких, а вполне определенных качеств). Будущую теорию мыслительных актов необходимо развивать именно на основе этого положения. Тогда ее содержание будет составлять обоснование следующих исходных утверждений:

1. Имплицитно заданные свойства обнаруживаются лишь тогда, когда объекту придана понятийная

форма; без этого в нем нельзя «открыть» ни одного нового качества, сколько его ни «поворачивай».

2. Такая функция принадлежит понятию в силу того, что оно является особым видом моделей (а именно знаковой моделью), создаваемых в процессе познавательной деятельности людей; специфика всех познавательных моделей состоит в том, что в них могут выражаться и фиксироваться такие качества оригинала, которые либо не выступают в последнем непосредственно, либо не могут быть в нем прямым объектом действия субъекта.

3. Мыслительный акт состоит в переводе исходных, заданных качеств объекта в соответствующую модель, в план соответствующего понятия. Анализ структуры мыслительного акта в основном и состоит в раскрытии содержания этого перевода, в раскрытии той деятельности субъекта, которая необходима для образования понятия (а не деятельности по изменению объекта самого по себе, без познавательных целей)*.

«Вычерпывание» новых свойств объекта через включение его в новые связи нужно раскрыть через одновременный процесс изменения формы исходных данных, состоящий в их моделировании, — только последнее позволяет обнаружиться новым качествам объекта.

Литература

1. *Августин*. Творения. Киев, 1900—1905. Ч. 2.
2. *Аристотель*. О душе. М., 1937.
3. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
4. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
5. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
6. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М., 1976.
7. *Давыдов В.В., Андронов В.П.* Психологические условия происхождения идеальных действий // Вопросы психологии. 1979. №5.
8. *Давыдов В.В., Зинченко В.П.* Принцип развития в психологии // Диалектика в науках о природе и человеке. Эволюция материи и ее структурные уровни. М., 1983.
9. *Давыдов В.В.* О методике исследования формирования понятий у детей // Доклады АПН РСФСР. 1957. №4.
10. *Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения. М., 1986.
11. *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. М., 1983.
12. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М., 1984.

Развитый в общем виде, наш подход к анализу мыслительного акта получает подтверждение во многих уже имеющихся исследованиях (экспериментальных и теоретических) по психологии мышления и логике. В частности, прямое отношение к этому имеют используемые нами исследования А.М. Матюшкина [20], Я.А. Пономарева [21] и других, а также проведенные нами исследования процесса формирования понятия о количестве у детей [9]. Конкретные материалы этих исследований позволяют следующим образом представить общую структуру мыслительного акта как особой формы действия субъекта. Эта структура состоит:

- 1) в определении необходимости перевода исходных данных в понятийную модель;
- 2) в определении (нахождении) адекватных средств (материала) моделирования;
- 3) в построении самой модели (придании исходным данным формы понятия);
- 4) во включении развитых видов и средств мыслительной деятельности («анализа», «синтеза» и т. д.) для определения конкретных особенностей объекта по выделенному через понятийную модель новому его качеству.

13. *Ильенков Э.В.* Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962.
14. *Ильенков Э.В.* Искусство и коммунистический идеал. М., 1984.
15. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1983.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т. 3.
17. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т. 23.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т. 42.
19. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т. 46. Ч. I.
20. *Матюшкин А.М.* Об условиях возникновения анализа // Доклады АПН РСФСР. 1959. №5.
21. *Пономарев Я.А.* Взаимоотношение прямого (осознаваемого) и побочного (неосознаваемого) продуктов действий // Вопросы психологии. 1959. №4.
22. *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
23. *Самойлов А.Ф. И.М. Сеченов и его мысли о роли мышц в нашем познании природы // Сеченов И.М., Павлов И.П., Введенский Н.Е. Физиология нервной системы. 1952. Т. III. М.*
24. *Штоф В.А.* Моделирование и философия. М.; Л., 1966.
25. *Эльконин Д.Б.* Психология игры. М., 1978.

* Понятие, неразрывно связанное со словом (словесным знаком), является моделью объекта лишь в процессе развернутого мышления и обслуживает последнее. В ходе становления мышления функции моделирования выполняются самими предметами, выступающими в роли заместителей (эталонов) реальных, исходных отношений. Предметная модель выступает предпосылкой возникновения собственно словесно-знаковой модели — понятия.

Defining thought

V.V. Davydov

The article presents V.V. Davydov's views on such notions as activity, ideal and consciousness, on their deep interrelation and the necessity of analyzing them as a continuous whole. The individual consciousness, according to Davydov, can be characterized as one's reproduction of ideal image of his/her activity and of other people's positions ideally represented in activity. Davydov considers human thought to be a specific mode of activity, a search for necessary conditions of actions by making changes (real or ideal) to the given situations, generally by modeling. The author states that in defining mental action it is necessary to bear in mind that it can only be revealed in overcoming the objective way of task solving, in other words, it is a conditional performance of objective operations, which takes into account the results of other people's actions fixed in a word. A notion should be regarded as a specific form, as a subject's means of action to reveal the hidden qualities of an object, which determines the special structure of the mental act.

Keywords: thought, activity, consciousness, ideal, individual consciousness, mental action, model, mental act structure.

References

1. *Avustin*. Tvoreniya. Kiev, 1900—1905. Ch. 2.
2. *Aristotel'*. O dushe. M., 1937.
3. *Bahtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979.
4. *Bernshtein N.A.* Ocherki po fiziologii dvizhenii i fiziologii aktivnosti. M., 1966.
5. *Vygotskii L.S.* Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 3. M., 1983.
6. *Gal'perin P.Ya.* Vvedenie v psihologiyu. M., 1976.
7. *Davydov V.V., Andronov V.P.* Psihologicheskie usloviya proishozhdeniya ideal'nyh deistvii // Voprosy psihologii. 1979. №5.
8. *Davydov V.V., Zinchenko V.P.* Princip razvitiya v psihologii. //Dialektika v naukah o prirode i cheloveke. Evolyuciya materii i ee strukturnye urovni. M., 1983.
9. *Davydov V.V.* O metodike issledovaniya formirovaniya ponyatii u detei //Doklady APN RSFSR. 1957. №4.
10. *Davydov V.V.* Problemy razvivayushhego obucheniya. M., 1986.
11. *Dubrovskii D.I.* Problema ideal'nogo. M., 1983.
12. *Il'enkov E.V.* Dialekticheskaya logika. M., 1984.
13. *Il'enkov E.V.* Ideal'noe // Filosofskaya enciklopediya. T. 2. M., 1962.
14. *Il'enkov E.V.* Iskusstvo i kommunisticheskii ideal. M., 1984.
15. *Leont'ev A.N.* Izbrannyye psihologicheskie proizvedeniya: V 2 t. T. 2. M., 1983.
16. *Marks K., Engel's F.* Sobranie sochinenii. T. 3.
17. *Marks K., Engel's F.* Sobranie sochinenii. T. 23.
18. *Marks K., Engel's F.* Sobranie sochinenii. T. 42.
19. *Marks K., Engel's F.* Sobranie sochinenii. T. 46. Ch. I.
20. *Matyushkin A.M.* Ob usloviyah vozniknoveniya analiza // Doklady APN RSFSR. 1959. №5.
21. *Ponomarev Ya.A.* Vzaimootnoshenie pryamogo (osoznavaemogo) i pobochnogo (neosoznavaemogo) produktov deistvii // Voprosy psihologii. 1959. №4.
22. *Rubinshtein S.L.* O myshlenii i putyah ego issledovaniya. M., 1958.
23. *Samoilov A.F. I.M.* Sechenov i ego mysli o roli myshc v nashem poznanii prirody // Sechenov I.M., Pavlov I.P., Vvedenskii N.E. Fiziologiya nervnoi sistemy. T. III. M., 1952.
24. *Shtof V.A.* Modelirovanie i filosofiya. M.; L., 1966.
25. *El'konin D.B.* Psihologiya igry. M., 1978.